

шим растворением, изобиль гостится словесными брашны, яко нам зело на веселие прменитися плачу» (стр. 97). Мысль выражена символами, каждое слово, каждый образ имеет прежде всего символическое значение. При этом используется традиционный эпитет «словесный» в применении к традиционному же символу «брашно».

Метафорические образы «брашно» и «млеко» используются автором жития еще раз и опять-таки в контексте, содержащем рассуждения о вере. Стефан, обращаясь к пермянам, говорит: «...до ныне млеком питах вы, а уже отселе твердою пищею достоин ми кормити вы и черъством брашном питати вы» (стр. 75). Здесь к слову-метафоре «брашно» применен эпитет «черствый», также часто встречающийся в агиографической литературе. В отличие от «словесного брашна», где смысловая непоследовательность традиционных метафорических эпитетов проявилась особенно ярко, словосочетание «черствое брашно» основано на принципе конкретизации и представляет собой эпитет предметный. Рассматриваемый пример показывает, что для Епифания возможно было не только традиционное толкование и употребление тех или иных библейских символов. Здесь традиционные метафоры и метафорический эпитет следует понимать в довольно простом житейском смысле. Пермяне должны делами доказать Стефану свою преданность, поэтому-то он и говорит им, что младенческое «млеко» надлежит заменить «твердой пищей», и разъясняет, что должны делать пермяне: «Ныне убо покажите ми первие от дел ваших веру свою... и аще кто верен и мудр хотяи быти в вас вящшии паче всех, и хотяи быти изо всех и более всех любовь имети ко мне, да изищет и испытает, аще где възведает кумир сущъ таящся... да обреть, изнесет и на среду пред всеми...» (стр. 75). Перед нами интересный случай, когда основанная на конкретном материале метафора, со временем ставшая традиционной, получает нетрадиционное толкование, а символический образ снова приобретает утраченную конкретность.

Представляет интерес и использование постоянного эпитета «истинный», который является наиболее распространенным как в русских житиях, так и в произведениях южнославянских книжников. В Житии Стефана Пермского этот эпитет находится в следующих сочетаниях: «бог истинный», «притча истинная», «пастух истинный», «раб истинный», «разум истинный», «слово истинное». Этот эпитет, имеющий объяснительный характер, подчеркивающий один признак предмета, выступает в значении «настоящий».

Рассмотрим некоторые примеры. «Ты бо еси истинный пастух и посетитель душ наших, единый без греха, не призри дело руку твою... и дай же им разум еже уведати тебе и познати тя, единого истинного бога» (стр. 22). Истинный пастух — символическое изображение Христа, здесь же это понятие как бы уточняется словами: «познати тя, единого истинного бога». Словосочетание «истинный бог» встречается в Житии часто и всегда в одном и том же значении (см. стр. 13, 22, 52 и др.).

Писатель называет Стефана «служителем слову истинному» (стр. 13). Эпитет употреблен в символическом словосочетании, обозначающем христианское учение. Все словосочетание — «служитель слову истинному» — может рассматриваться как сложный эпитет, характеризующий важную сторону деятельности подвижника.

Останавливает внимание и сопоставление таких выражений, как «призови я в разум истины твой» (стр. 18) и «бог даст им разум истинный» (стр. 19). Первая цитата показывает, каким путем был образован эпитет «истинный» во втором примере. Здесь особенно ясно выступает «внутрен-